

Становление народного образования в Ставропольском уезде Самарской губернии в 20–30-е годы XX века

Аннотация. *Статья посвящена вопросам развития народного образования в 20–30-е гг. в Ставропольском уезде Самарской губернии. Автор раскрывает основные проблемы перед новой властью в развитии сети дошкольного и школьного образования, а также исследует проблему ликвидации неграмотности среди взрослого населения в аграрном регионе.*

Ключевые слова: *школьное и дошкольное образование, обеспеченность кадрами, ликвидация неграмотности, новый образ жизни.*

Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Начало XX в. – это время, когда проходило коренное преобразование государственного строя нашей страны. С 1917 г. начинается период бурных перемен, строительство нового Советского государства. Изменения коснулись и сферы народного образования. Одной из приоритетных задач новой власти было всеобщее культурное просвещение.

Самарская губерния на начало 1920-х гг. была преимущественно аграрно-индустриальной губернией. В составе губернии было 13 городских поселений, из них губернский город Самара, четыре уездных и три безуездных города [1]. С 1 января 1924 г. в связи новым административным делением в состав Самарского уезда вошла Ставропольская волость, а сам Ставрополь утратил статус города и стал именоваться селом [2]. Это положение сохранялось вплоть до 1946 г., когда ему вновь вернули городской статус.

Перед новым советским правительством стояла сложная задача – восстановление и модернизация хозяйства, для чего стране требовались квалифицированные кадры.

Формирование новой советской культуры в Ставропольском районе в 20–30-е гг. происходило в очень тяжелых условиях. Самарская губерния, в которую входил и Ставрополь, по уровню грамотности была на 33-м месте в дореволюционной России. В Ставрополе, по данным переписи 1920 г., грамотных было 55,5% [3].

Первые преобразования в сфере народного образования начались вскоре после Октябрьской революции, однако Гражданская война и голод 1921–1922 гг. отодвинули эти проблемы на второй план – надо было спасать людей от голодной смерти. Поэтому к вопросам народного образования и культурно-просветительной работы вновь обращаются лишь после нормализации жизни в уезде.

20–30-е гг. были периодом реформирования школьного образования, оставшегося в наследство от дореволюционных времен и сильно пострадавшего в годы войн и разрухи начала 20-х гг. Во многих селах вообще не было школ, значительная часть ранее существовавших учебных заведений бездействовала. Так, в Кунеевке школьное здание было передано лесхозу [4]. Функционирующие школы находились в плачевном состоянии. Для нормальной работы их необходимо было отремонтировать, переоборудовать, закупить новую мебель и учебные пособия [5]. Очень большой проблемой, стоявшей перед органами народного образования, было снабжение

школ топливом – дровами. В эти годы были нередки случаи, когда школы закрывались в холодное время года из-за того, что вовремя не подвезли дрова [6].

Одновременно со строительством нового государства шло реформирование старых органов власти. В сфере народного образования был создан Подотдел политического просвещения – Главполитпросвет. Главная задача Главполитпросвета – в обучении грамоте взрослого населения губерний, а также руководство культурно-просветительной работой на местах.

После принятия в декабре 1918 г. декрета о создании «Единой Трудовой школы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [7] начинается процесс создания новой системы образования в стране. Основой обучения в школе становился производительный общественно необходимый труд, который был непосредственно связан с процессом обучения. Осуществляя решения правительства, местные власти прилагали все усилия по открытию новых и реорганизации старых школ. В 1925 г. на территории Ставропольской волости насчитывалось около 10 школ [8], в 1926 г. количество школ увеличилось до 16 [9], в 1928 г. их число составило уже 46 [10], в январе 1932 г. – 54, а в январе 1933 г. – 58 [11]. В основном это были школы I ступени, обучение в которых было 3- или 4-летним. Только в Ставрополе была одна школа II ступени [12]. В сентябре 1930 г. облисполком принял постановление о введении всеобщего начального обучения в Куйбышевской области [13].

Основное внимание в школах I и II ступеней уделялось чтению, письму, математике, рисованию и трудовому обучению. Однако определенные часы отводились на изучение естествознания, проведение экскурсий и организацию детского самоуправления [14]. Большое место в школьной работе отводилось также общественно полезной работе. Ученики должны были выступать проводниками нового образа жизни и мышления в деревне: принимать активное участие в проведении революционных праздников, антирелигиозной пропаганде, распространять знания по охране здоровья и организации быта на новых началах, участвовать в работе советских и общественных организаций. Производственные планы школ, обращая внимание на общий низкий уровень культуры ставропольчан, предусматривали привлечение детей к беседам по политике советской власти, распространению агрономических знаний, изменению внешнего облика родного села [15].

Учебный год в сельских школах начинался с 10 сентября, а заканчивался 15 мая, что было связано с полевыми работами, в которых принимали участие и ученики [16]. Учителя постоянно жаловались на плохое посещение школ учащимися. Можно выделить ряд причин подобного положения. Часть ребят вместе с родителями занималась сельскохозяйственными работами и не могла регулярно посещать школу, иногда их просто оставляли дома сидеть с младшими братьями и сестрами [17]. У многих детей не было теплой одежды. Для них старались купить одежду за счет пожертвований и денег, вырученных от посевов на школьных участках [18]. В селах, где преобладало нерусское население, были случаи, когда матери прятали своих детей, чтобы не пустить в школу, так как считали, что это не приведет к добру [19].

Большой проблемой для школ и властей было обеспечение учащихся учебниками и письменными принадлежностями, так как родители не всегда имели возможность купить их для своих детей [20]. Еще одной задачей властей было обеспечить детей питанием. В 1926/1927 учебном году горячими завтраками были обеспечены дети только двух школ: Ставропольской школы № 1, где все дети получали питание, и школы в с. Ягодное, где питанием были обеспечены только 100 детей бедняков и

батраков [21]. В 1932 г. горячее питание получали дети уже в 30 школах района, что составляло 55,3% [22] от общего числа обучающихся.

Большое значение власти придавали также развитию сети дошкольного образования – открытию детских садов и площадок. В 1937 г. в районе действовало четыре детсада и 33 площадки, которые посещало более полутора тысяч детей. На третью пятилетку было запланировано дальнейшее строительство новых детских садов в Хрящевке, Ягодном, Васильевке, Татарских Выселках [23].

В связи с острой нехваткой педагогических кадров в 1930 г. было принято решение о создании на базе Ставропольской школы II ступени педагогического техникума, преобразованного в 1932 г. в Агропедтехникум. Первых студентов набирали из числа выпускников школы крестьянской молодежи. Материальная база нового учебного заведения была неудовлетворительной. В классах не было мебели, и студентам приходилось просить мебель в различных ставропольских организациях. Будущие педагоги были плохо одеты и очень плохо питались. По существовавшей тогда карточной системе студенту полагалось всего 250 г хлеба в день, а в студенческой столовой по талонам выдавали чашку супа, приправленного подсолнечным маслом, или чечевичную похлебку [24]. При техникуме существовали курсы по подготовке учителей для сельских школ [25].

Очень острой для Ставропольского района, как и для всей губернии, была проблема ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Самарская губерния сильно отставала по уровню грамотности от общероссийского уровня. По Всесоюзной переписи населения за 1920 г. по Самарской губернии, 4 801 81 человек были неграмотными, из них 39 734 городских жителя и 381 979 человек проживали в деревне [26]. На апрель 1921 г. в Ставропольском уезде было зарегистрировано около 30 тыс. неграмотных среди взрослого населения [27].

Большое значение в деле ликвидации неграмотности отводилось обучению национальных меньшинств. На 1921 г. на территории Самарской губернии проживали: татар и башкир около 500 тыс., чувашей около 400 тыс., а также латыши, евреи, поляки и другие народности [28]. Обучение представителей нерусских народов проходило достаточно сложно ввиду отсутствия специализированного педагогического персонала, способного вести обучение, недостаточной обеспеченности культурно-просветительных учреждений, в которых проходило обучение, а также отсутствия учебной литературы. Основная цель обучения представлялась в «стремлении поднять общий культурный уровень населяющих губернию нерусских народностей и при бережном отношении к их бытовым особенностям и родному языку изжить тот религиозный фанатизм и национальную исключительность, которые остались в наследство от старого строя» [29]. Для реализации поставленной задачи на местах создавался Совет национальных меньшинств, который выполнял функцию уменьшенного губернского отдела народного образования и отвечал за проведение культурно-просветительной работы среди своей народности. В связи с этим можно сделать вывод, что параллельно с общим обучением неграмотного и малограмотного населения губернии шел процесс формирования отдела народного образования, занимающегося просветительной работой среди неграмотных народностей губернии. Таким образом представлялось ликвидировать неграмотность всех национальностей, проживающих на территории губернии.

В мае 1919 г. на VIII съезде РКП(б) было принято постановление «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» [30]. В постановлении указывалось, что низкий уровень сельскохозяйственных знаний и невежество

в целом становятся серьезным препятствием для искоренения в деревне нищеты и бедности. Для решения этих проблем предполагалось уделить основное внимание просвещению сельчан за счет проведения политической пропаганды, как среди грамотных, так и среди неграмотных, и введения общего образования. Для неграмотных крестьян устраивались чтения в школах, в помещениях волостных Советов крестьянских депутатов, в избах-читальнях. «Предметом чтения должны быть декреты и обязательные постановления с популярными, особо для того издаваемыми и рассылаемыми центром толкованиями, и статьи постоянно обновляемой и пополняемой народной хрестоматии» [31]. Предпринятые меры способствовали развитию в деревне пунктов ликвидации неграмотности и курсов для обучения неграмотного и малограмотного населения.

На II сессии Самарского губисполкома, состоявшейся в марте 1923 г., было принято решение обратить особое внимание на проблему ликвидации неграмотности среди взрослых [32].

Одним из звеньев кампании по ликвидации неграмотности стали избы-читальни, являвшиеся центрами культурно-просветительской работы на селе. Однако ситуация с ними в районе была напряженной, так как в первые послереволюционные годы многие из них были закрыты как пережиток прошлого. В 1920 г. в Ставрополе действовала всего одна изба-читальня на углу Цеховой и Базарной улиц, а по уезду – 23 [33]. Обучение в избах-читальнях шло с большим трудом, что было обусловлено плохим материально-техническим оснащением и недостатком квалифицированных кадров. Некоторые избы-читальни располагались в аварийных зданиях или в помещениях, требующих ремонта. Так, под избы-читальню в Федоровском лесничестве был отведен дом, «который был не подходящим, и, кроме того, требовались затраты средств на ремонт, каковыми мы не располагаем, ввиду чего от него отказались» [34]. Нередки были случаи, когда избы-читальни не имели собственного постоянного помещения. Жители села Богдановка пытались решить эту проблему через обращение в прессу: «Хоть и примерна наша волость, а изба-читальня у нас без помещения. Приходится ей бродить из дома в дом. Здесь месяц, там два. Близится зима. Надо налаживать работу в читальне. А как ее наладить, если нет постоянного пристанища? Пока еще не поздно, волисполком должен достать помещение» [35].

Сотрудников, работающих в избах-читальнях, было мало, в среднем на одну избы-читальню приходился один сотрудник. Часто они работали бесплатно. В селах Подстепки и Подборском избы-читальни были открыты на средства жителей [36].

Обычным явлением было небольшое число желающих учиться грамоте, поэтому, чтобы привлечь население, власти использовали политику поощрения и осуждения уклоняющихся от обучения. В избах-читальнях часто проводились инсценировки, на которых высмеивались нежелающие учиться, над ними проводили показательные судебные процессы – агитсуды.

К кампании по ликвидации неграмотности были также привлечены общество «Долой неграмотность», комсомольская и профсоюзная организации. В Ставропольском уезде работе общества «Долой неграмотность» уделялось большое внимание, к участию в его работе призывали всех школьных работников [37].

Для членов профсоюзов и комсомольцев обучение грамоте было обязательным. С целью ликвидации неграмотности среди членов профсоюза еще в августе 1920 г. в Ставрополе было открыто пять школ. Школы открывались при различных предприятиях и организациях, например при столовой, больнице [38]. В 1923 г. Самарский губернский комитет РКСМ объявил кампанию по ликвидации безграмотно-

сти на срок до 1 октября 1924 г., в течение которого обучение должны были пройти все неграмотные члены Союза [39].

В связи с трудностями в обучении грамоте нерусских народов Поволжья Главполитпросвет и ЦК РЛКСМ поставили перед местными организациями РЛКСМ задачу по усилению работы по ликвидации неграмотности среди молодежи нерусской национальности. «Каждая комсомольская организация должна установить точный учет неграмотных комсомольцев, прикрепить их к ликпунктам, к грамотным комсомольцам и т. д. Вся компания проходила под лозунгом: «К XII международному дню молодежи не должно остаться неграмотных среди членов РЛКСМ нацменьшинств» [40].

Однако, несмотря на энергичные усилия властей, число неграмотных среди взрослого населения уменьшалось очень медленно. Так, в селе Тимофеевка в 1926 г. было 174 неграмотных старше 12 лет, а в ликбазе обучалось только 30 человек [41], в селе Никольское из 388 неграмотных старше 14 лет желание обучаться изъявили только 76 человек [42].

Перепись 1926 г. показала, что жителей Самарской губернии грамотных было 51,2%, среди них 69,4% мужчин и 35,0% женщин [43]. Грамотного сельского населения по губернии было 33,5%. В перерыве между Всесоюзными переписями прирост грамотного населения губернии городов составил 12,4% [44]. В Ставрополе было 59,2% грамотного городского населения, из них 67,9% грамотных мужчин и 52,1% грамотных женщин [45]. За период с 1920 по 1926 г. прирост грамотности по Ставрополю составил 3,7% [46].

В 1932 г. в Ставропольском районе было еще 4 тыс. неграмотных и 10 тыс. малограмотных взрослых, из которых училось только 65% [47]. Краевые власти обратили внимание на срыв кампании по ликвидации неграмотности и предприняли ряд мер, чтобы изменить сложившееся положение. По результатам II краевого слета культармейцев было отмечено отставание Ставропольского района и принято решение предложить Ставропольскому райкому ВКП(б) добиться «решительного перелома ликбезработы» [48].

Ценой огромных усилий ситуацию удалось улучшить, и уже в 1937 г. неграмотность среди взрослого населения Куйбышевской области составляла 5–6% [49].

Является ли эта цифра результатом интенсивной работы или плодом приписок, сказать сегодня сложно. Однако, несмотря на всю тяжесть военных и первых послевоенных лет, усилия 20–30-х гг. оказались не напрасными. В 1953 г. в городе Ставрополе было уже 8 школ, в которых обучалось 2,5 тыс. учеников [50].

Ссылки на источники

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). – Ф. 9388. – Оп. 9. – Д. 114. – Л. 10.
2. История Ставрополя-Тольятти: учеб. пособие для учащихся 9-х классов школ г. о. Тольятти / под ред. Е.Ю. Прокофьевой. – Тольятти: ТГУ, 2010. – С. 136.
3. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. III. – Самара, 1925. Табл. 27.
4. Архивный отдел мэрии г. о. Тольятти (далее – ТГА). – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 4.
5. Жизнь деревни: газета Ставропольского уездкома Р-КП, Уисполкома и Упрофбюро. – 1922. – 19 окт.
6. ТГА. – Ф. Р-19. – Оп. 4. – Д. 99. – Л. 13.
7. Декрет о Единой Трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm
8. ТГА. – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 2; Д. 47. – Л. 91.
9. ТГА. – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 225. – Л. 57.
10. ТГА. – Ф. Р-19. – Оп. 5. – Д. 7. – Л. 1.
11. ТГА. – Ф. Р-19. – Оп. 4. – Д. 99. – Л. 27.

ART 14590

УДК 908:373

12. ТГА. – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 2.
13. Культурное строительство в Куйбышевской области 1917–1937 гг. – Куйбышевское кн. изд-во, 1979. – С. 290.
14. ТГА. – Ф. Р-96. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 1.
15. ТГА. – Ф. Р-96. – Оп. 2. – Д. 1. Лл. 6, 14, 45, 48(об.), 71, 93, 104.
16. ТГА. – Ф. Р-96. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 13.
17. ТГА. – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 41.
18. ТГА. – Ф. Р-96. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 30.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. ТГА. – Ф. Р-19. – Оп. 4. – Д. 99. – Л. 13.
23. ТГА. – Ф. Р-25. – Оп. 1. – Д. 7. Лл. 11, 87.
24. Из истории просвещения национальных меньшинств в Самарской губернии // Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг.: сб. док. – Куйбышев, 1979. – С. 49.
25. Там же.
26. История Ставрополя-Тольятти. – С. 151.
27. ТГА. – Ф. Р-19. – Оп. 4. – Д. 99. – Л. 14.
28. СОГАСПИ. – Ф. 9388. – Оп. 9. – Д. 114. – Л. 10.
29. ТГА. – Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 95об.
30. О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 7. – С. 111.
31. Там же. – С. 112.
32. Резолюция II сессии губисполкома о мерах по улучшению работы по народному образованию // Культурное строительство в Куйбышевской области 1917–1937 гг. – С. 65 – 67.
33. ТГА. – Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 10.
34. ТГА. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 14.
35. Голос молодежи. – 1923.
36. ТГА. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 7.
37. ТГА. – Ф. 81. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 2об.
38. ТГА. – Ф. 131. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 14.
39. СОГАСПИ. – Ф. 53. – Оп. 1. – Д. 343, – Л. 45.
40. ТГА. – Ф. 381. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 11.
41. ТГА. – Ф. Р-96. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 23.
42. ТГА. – Ф. Р-96. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 18.
43. Население Самарской губернии (по данным всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г.). – Самара, 1928. – С. 30.
44. Там же. – С. 5.
45. Там же. – С. 50.
46. ТГА. – Ф. Р-19. – Оп. 4. – Д. 99. – Л. 13.
47. Там же.
48. Постановление секретариата крайкома ВКП(б) об итогах второго краевого слета культармии // Культурное строительство... С. 198–200.
49. Из доклада секретаря обкома ВКП(б) П. П. Постышева на куйбышевском городском собрании пропагандистов, агитаторов и доверенных лиц, работающих на избирательных участках, – об итогах социально-культурного строительства в области за 20 лет // Культурное строительство... С. 262.
50. История Ставрополя-Тольятти. – С. 213.

Irina Prokhorenko,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the chair of history and philosophy, Togliatti State University, Togliatti

irina.a.pr@mail.ru

The formation of public education in the Stavropol district of Samara province in the 20–30th years of XX century

Abstract. The article is devoted to the development of public education in the 20–30s in the Stavropol district of Samara province. The author reveals the main challenges for the new government in the development of the network of preschool and school education, as well as explores the problem of liquidation of illiteracy among the adult population in the agricultural region.

ISSN 2304-120X

Key words: school and pre-school education, security personnel, liquidation of illiteracy, a new way of life.

References

1. *Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (dalee – SOGASPI)*, f. 9388, op. 9, d. 114, l. 10 (in Russian).
2. Prokof'eva, E.Ju. (ed.) (2010) *Istorija Stavropolja-Tol'jatti: ucheb. posobie dlja uchashhihsja 9-h klassov shkol g o. Tol'jatti*, TGU, Tol'jatti, p. 136 (in Russian).
3. (1925) *Sbornik statisticheskikh svedenij po Samarskoj gubernii*, vyp. III, Samara, tabl. 27 (in Russian).
4. *Arhivnyj otdel mjerii g. o. Tol'jatti (dalee – TGA)*, f. r-81, op. 1, d. 69, l. 4 (in Russian).
5. (1922) *Zhizn' derevni: gazeta Stavropol'skogo uezdkoma r-KP, Uispolkoma i Uprofbjuro*, 19 okt. (in Russian).
6. TGA, f. r-19, op. 4, d. 99, l. 13 (in Russian).
7. "Dekret o Edinoj Trudovoj shkole Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respublike", *Biblioteka normativno-pravovykh aktov Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik*. Available at: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (in Russian)
8. TGA, f. r-81, op. 1, d. 21, l. 2; D. 47, l. 91 (in Russian).
9. TGA, f. r-81, op. 1, d. 225, l. 57 (in Russian).
10. TGA, f. r-19, op. 5, d. 7, l. 1 (in Russian).
11. TGA, f. r-19, op. 4, d. 99, l. 27 (in Russian).
12. TGA, f. r-81, op. 1, d. 21, l. 2 (in Russian).
13. (1979) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kujbyshevskoj oblasti 1917–1937 gg.*, Kujbyshevskoe kn. izd-vo, p. 290 (in Russian).
14. TGA, f. r-96, op. 2, d.1, l.1 (in Russian).
15. TGA, f. r-96, op. 2, d.1. Ll. 6, 14, 45, 48(ob.), 71, 93, 104 (in Russian).
16. TGA, f. r-96, op. 2, d. 1, l. 13 (in Russian).
17. TGA, f. r-81, op. 1, d. 69, l. 41 (in Russian).
18. TGA, f. r-96, op. 1, d. 3, l. 30 (in Russian).
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. TGA, f. r-19, op. 4, d. 99, l. 13 (in Russian).
23. TGA, f. r-25, op. 1, d. 7. Ll. 11, 87 (in Russian).
24. (1979) "Iz istorii prosveshhenija nacional'nykh men'shinstv v Samarskoj gubernii", in *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kujbyshevskoj oblasti. 1917–1937 gg.: sb. dok.*, Kujbyshev, p. 49 (in Russian).
25. Ibid.
26. Prokof'eva, E.Ju. (ed.) (2010) *Istorija Stavropolja-Tol'jatti*, p. 151.
27. TGA, f. r-19, op. 4, d. 99, l. 14 (in Russian).
28. SOGASPI, f. 9388, op. 9, d. 114, l. 10 (in Russian).
29. TGA, f. 131, op. 1, d. 14, l. 95ob. (in Russian).
30. (1970) "O politicheskoy propagande i kul'turno-prosvetitel'noj rabote v derevne", in *KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK*, vol. 7, Moscow, p. 111 (in Russian).
31. Ibid., p. 112.
32. "Rezoljucija II sessii gubispolkoma o merah po uluchsheniju raboty po narodnomu obrazovaniju", in *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kujbyshevskoj oblasti 1917–1937 gg.*, p. 65–67 (in Russian).
33. TGA, f. 131, op. 1, d. 14, l.10 (in Russian).
34. TGA, f. 100, op. 1, d. 4, l. 14 (in Russian).
35. *Golos molodezhi*, 1923 (in Russian).
36. TGA, f. 135, op. 1, d. 58, l. 7 (in Russian).
37. TGA, f. 81, op. 1, d. 13, l. 2ob. (in Russian).
38. TGA, f. 131, op. 1, d. 41, l. 14 (in Russian).
39. SOGASPI, f. 53, op. 1, d. 343, l. 45 (in Russian).
40. TGA, f. 381, op. 1, d. 15, l. 11 (in Russian).
41. TGA, f. r-96, op. 1, d. 3, l. 23 (in Russian).
42. TGA, f. r-96, op. 1, d. 3, l. 18 (in Russian).
43. (1928) *Naselenie Samarskoj gubernii (po dannym vsesojuznoj perepisi 17 dekabrja 1926 g.)*, Samara, p. 30 (in Russian).
44. Ibid., p. 5.
45. Ibid., p. 50.
46. TGA, f. r-19, op. 4, d. 99, l. 13 (in Russian).
47. Ibid.

ART 14590

УДК 908:373

48. "Postanovlenie sekretariata krajcoma VKP(b) ob itogah vtorogo kraevogo sleta kul'tarmii", *Kul'turnoe stroitel'stvo...* pp. 198–200 (in Russian).
49. "Iz doklada sekretarja obkoma VKP(b) P. P. Postysheva na kujbyshevskom gorodskom sobranii propagandistov, agitatorov i doverennyh lic, rabotajushhih na izbiratel'nyh uchastkah, – ob itogah social'no-kul'turnogo stroitel'stva v oblasti za 20 let", *Kul'turnoe stroitel'stvo...* p. 262 (in Russian).
50. Prokof'eva, E.Ju. (ed.) (2010) *Istorija Stavropolja-Tol'jatti*, p. 213 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»